

ВСТРЕЧА С КААРЕЛОМ ИРДОМ

НА СОИСКАНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПРЕМИИ СССР

ОДНАЖДЫ в Москве мне довелось услышать такое высказывание: «Это ли не чудо — в небольшом эстонском городе живет и работает академический театр. И какой — один из наиболее популярных в стране!».

Можно сказать, «Ванемуине» уже старичок — в 1970 году будет праздноваться его вековой юбилей. И в то же время театр упорительно, дерзко молод. Под его, прямо говоря, не очень современной крышей (хорошо, что 50-летие Октября театр будет встречать в новом помещении) живет и процветает многодетная семья муз — от классической трагедии до эксцентричного реву, от традиционной оперы чуть ли не до ярмарочного карнавала...

Его часто называют «синтетическим» театром, и в нем, действительно, немало артистов, с успехом играющих в драме и оперетте, поющих и танцующих с одинаковой страстью и одинаковым мастерством. Но «синтетичность» вовсе не знамя этого театра. И тем более не трюк, которым кто-то хочет удивить кого-то. Просто театр, чутко улавливающий потребности зрителей и глубоко уважающий их, считает, что его прямой долг — откликаться на разные запросы публики, вводить зрителя в высокий и чистый храм искусства, так сказать, через все двери. И если это принять за основу, то без «синтетических» актеров просто не обойтись.

В «Ванемуине» существуют неписанные законы ансамбля, при которых труппа не делится на «звезд» и статистов. Здесь все делают все. И делают упорно, вдумчиво, серьезно.

Граждане города Тарту — от самых юных до самых почтенных — знают и любят свой театр, ревниво следят за его ростом. Да и не только тартусцы. У театрального подъезда всегда толпятся «Зилы» и «Икарусы», привезшие зрителей из деревень, из близлежащих городков. И выпускает этот «провинциальный» театр не меньше спектаклей, чем любой столичный — в год одиннадцать премьер, пятьсот сорок полноценных представлений!

МНЕ ДОВЕЛОСЬ побывать в этом театре в беспокойные, но освещенные особым горением дни подготовки к гастролям в Москве, на кремлевской сцене. И именно в эти дни состоялось мое знакомство с Каарелом Ирдом. Что и говорить, момент для знакомства не самый

удачный. Первые режиссера — руководителя театра, были натянуты. Границы его дней и ночей тогда как-то стерлись... Каждый, кто хоть немного знает театральный быт, представляет себе, что значит для режиссера последние часы перед премьерой. А тут не просто премьеры — сложнейший и ответственный экзамен...

И все-таки наша встреча состоялась. Я вырвала у Каарела Кирилловича два вечера.

Говорят, чтобы узнать человека, надо есть с ним пуд соли. Чтобы распознать и понять Ирда, и пуда соли, наверное, не хватит. Ибо каждая минута он — иной, новый, необычный и неповторимый. Как вулкан, который никогда не затухает.

Мы говорили об искусстве. Он не устал подчеркивать, что считает себя старомодным режиссером и очень ортодоксальным человеком. И это отнюдь не фразерство, не игра в слова. Он в самом деле удивительно последователен и в действиях, и в суждениях — сложившийся художник. И трудно сказать, с чего у него начинается творчество — с ясной мысли, с артистической интуиции или с гражданского долга советского театрального деятеля.

Его искусство насквозь пропитано народными традициями прошлых времен. Он не копирует, не повторяет их. И не умиляется стариной. Он каждый день совершает открытия, этот неукротимый и мятежный, пламенный режиссер, жадно пьющий из всегда свежего родника народного творчества, умеющий смотреть в прошлое глазами настоящего, смело бросающий луч прожектора из прошлого в будущее.

Ирд с пренебрежением отвергает всякие ужимки быстротечной и ветреной моды. Но он с гневом обрушивается и на всякую серость, приземленность, обыденщину, скуку.

— Скука — смертельный яд для театра. Надо будить мысль, заставлять работать мозги зрителей и их сердца, надо ставить перед ними важные вопросы современности, — так рассуждает Каарел Ирд.

Он очень любит Юхана Смуула и гордится своей дружбой с ним. И он напоминает мне слова из «Ледовой книги» о том, что истинно художественное начинается лишь тогда, «когда мы отходим от полотна или откладываем книгу и задумываемся над тем, что они нам сказали. Отсутствие вопроса, неспособность

произведения породить его — признак бедности.

... Но о многих картинах мы не думаем и не спорим: манная каша вещь питательная и скучная...

НЕ СКРОЮ, разговор с Ирдом был не из легких. Ирд вообще очень трудный собеседник. Он не способен на салонное лицепритворство, не ищет компромиссов, не идет на уступки ради «общего языка» с собеседником. Или принимай его целиком таким, каков он есть, или не принимай совсем!

Но он всегда удивительно ясно и твердо знает, что и как хочет сказать. И говорит точными фразами, лучше не скажешь! Мысли его своеобразны и образны, лексика сочна и юмористична. Но главное: Ирд всегда убежден. У него не бывает «серединки-наполовинку». Он во что бы то ни стало хочет заразить вас своей убежденностью, этот неистовый Ирд.

Непосредственный, как ребенок, он люто ненавидит всякую посредственность. Для него искусство начинается только с открытия и существует только в разведке. У него своеобразные, может, спорные, не соответствующие общепринятым, мысли о системе подготовки артистических кадров.

— Я бывший малыр, — говорит он. — Отец завещал мне малырную кисть и свою профессию. Я был хорошим малыром и берусь сегодня сделать хорошим малыром каждого встречного. Сто встречных на улице — сто малыров! А вот артиста? Очень, очень трудно сделать настоящего артиста! И вообще: разве можно его СДЕЛАТЬ?!

Ирд — яркий противник всякого школяризма, начетничества, «академизма».

— Любое повторение опыта других — пусть даже гениев! — может заглушить талант. Искусство существует только до тех пор, пока оно никого не повторяет, ни у кого не заимствует, идет нехоженными тропами. Если у тебя нет ничего СВОЕГО, кроме умения подражать, — забудь дорогу на сцену.

И Ирд создает студию. В ней учатся люди, имеющие совершенно иные профессии или одновременно с занятиями в студии проходящие курс совершенно нетеатральных наук. Если на протяжении студийного периода у человека не зажжется искра неповторимости, не заветится огонь истинного таланта, не проявит-

ся потребность сказать людям никогда еще не звучавшее слово, тогда студию в «Ванемуине» заявляют честно и прямо: «Прощайте. Артист из вас не получился. Ступайте в жизнь. Будьте хорошим врачом, инженером или бухгалтером. И не стройте себе никаких иллюзий насчет театра».

МЕТОД Ирда удивительно активен. Бесстрастному созерцательству тут никакого места нет. Пресловутый «жизненный поток» отпадает для Ирда напрочь, ибо ведь он не оставляет места для активной позиции художника. А Ирд всегда неистово активен. Он вторгается в жизнь, чтобы улучшить ее, что-то испепеляет. Его Дикий капитан — это не просто добрый старый эстонский моряк, жестоко обоженный капризницей-фортуной. И вообще это не для слезливых и не для слабонервных. Это для больших раздумий серьезных, мужественных людей. Это повесть о буйном и непокорном смутьяне, который страстно любит людей, пусть даже не очень-то праведных, не очень-то красивых.

А ирдовский Кориолан! Это трагедия пустыти, изоляции, трагедия личности, ненавидящей, презирающей народ. Народ не любит нелбзя. Ни тогда, когда он, окрыленный, побеждает, ни тогда, когда он, обманутый, заблуждается, терпит поражение. От народа нигде не уйдешь, с ним — всегда до конца. Такова суть философии и эстетики режиссера и коммуниста Каарела Ирда.

Вот, в сущности, все, что я могу добавить к уже сказанному, — за последнее время много написано о творчестве замечательного эстонского художника Каарела Ирда. Честно говоря, просто страшно впасть в грех повторения. Ирд ведь не терпит прописных истин, затверженных повторов. И я не хочу рисковать столь трудно завоеванным доверием.

В одной статье, помню, его назвали «чудесным сказочником». Мне он рисуется иначе. Более земным, без волшебства, без котурнов и грима. Художник-боец, художник-буян, который сто раз в день вздымает и испровергает, окрыляет и развенчивает, словом, всем своим могучим, неукротимым искусством помогает людям понимать, любить и украшать жизнь.

Вот, что такое, по-моему, Каарел Ирд.

Ольга МАКАРОВА.